

КАК ПЕРЕД ВЕЧНОЮ ЗАГАДКОЮ...

«Пушкинская» песня Высоцкого

Независимый вѣстник - 1993. - 24 июля. - С. 7.

Анатолий Кулагин

In memoriam

ОБ ОСОБОЙ ЛЮБВИ Высоцкого к Пушкину мы знаем и из воспоминаний близких ему людей, и из его собственных высказываний. Он не раз обращался к пушкинским темам и образам — вспомним пародийную «Песню о вещем Олеге», «антисказку» «Лукоморья больше нет», трагические стихи последних лет — «Слева бесы, справа бесы...», «Мой черный человек в костюме сером...» Об одной странице этого увлекательного поэтического диалога мы и хотим сегодня напомнить.

В 1975 году кинорежиссер Александр Митта приступил к работе над фильмом «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Сценарий представлял собой своеобразную интерпретацию незавершенного пушкинского романа «Арап Петра Великого». На роль Ибрагима был приглашен Владимир Высоцкий.

Для фильма Высоцкий написал две песни — написал без режиссерского заказа, по собственному почину. Одна из них — «Разбойничья» — должна была сопровождать тему беглого холопа Фильки, сыгранного В. Золотухиным. В пушкинском романе такого героя нет, поэтому речь пойдет о другой песне — «Купола», написанной поэтом для темы арапа — так сказать, «для себя».

Песня эта в творчестве Высоцкого — особая. Обычно в его песенных сюжетах что-то происходит: персонажи совершают поступки, вступают в конфликт. Здесь этого нет: перед нами лирика в самом прямом смысле слова. Поэт строит всю песню на передаче эмоционального состояния лирического героя:

Как засмотрится мне нынче,
как задышится?!
Воздух крут перед грозой, крут
да вязок.
Что споется мне сегодня, что
услышится?
Птицы вещие поют — да все из
сказок.

Помимо фольклорной традиции (образы сказочных птиц — Сирин, Алконост, Гамаюн), в песне ощутимо влияние и самого пушкинского романа.

У Пушкина вернувшийся из Парижа Ибрагим «с любопытством смотрел на новорожденную столицу, которая подымалась из болота по манию самодержавия». Чуть ниже: «Россия представлялась Ибрагиму огромной мастеровою...» Удивление героя, интерес к заново обретенному отечеству «переходит» и в песню Высоцкого:

Я стою, как перед вечною загадкою,
Пред великою да сказочной страной —
Перед солоно- да горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою, ржанною.
Для поэта отечество оказывается не только «великим да сказочным», где «купола... кроют чистым золотом», но и «кисло-сладким», «опухшим от сна» — хотя и не «по Ибрагиму», но вполне по Пушкину.

Кстати, в первоначальном варианте песни зависимость от ли-

тературного источника ощущалась еще острее:

Было время приунуть да приобигеться,
Повезли меня, я сам — и рад стараться,
Как за тридевять земель, за триодинадцать
Уму-разуму чужому набираться.

Напомним, что у Пушкина Петр посылает Ибрагима в Париж «для приобретения сведений». Но о его учебе в романе ничего не сказано; напротив, он вращался в свете, где царили «вольное легкомыслие, безумство и роскошь». Вопрос о России и Западе всегда — и с разными «ответами» — волновал поэтическое воображение Высоцкого. Здесь же отрицательное отношение к «уму-разуму чужому» автору «Куполов» подсажали именно пушкинские строки.

— ждал «более драматического развития событий, более острого конфликта» (А. Митта). Задуманная как трагикомедия, лента в итоге походила, скорее, на комедию. Ясно, что написанные Высоцким песни в этом жанре были неуместны. И они не вошли в фильм — против был сам режиссер. «Эти песни, — сказал он Высоцкому, — весь наш замысел выносятся наружу».

...Шло время, и Высоцкий словно забыл о песнях, не исполнял их на концертах. Актер Театра на Таганке Иван Бортник однажды (это было уже в 1978 году) напомнил ему и о «Куполах», и о «Разбойничьей»: «Я ему говорю, что пропадают, пропадают песни. Как он загорелся:

— Молодец! Давай будем делать вместе!» (Бортник предлагал сде-



Пушкинский герой возвращается в Россию: «Осень уже наступала. Но ямщики, несмотря на дурную погоду, везли его с быстротою ветра, и в семнадцатый день своего путешествия прибыл он утром в Красное Село...» Похоже, Высоцкий заметил и этот эпизод:

Грязью чавкая жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремена...

Но поэт убирает пушкинскую конкретику. Стоило ему уточнить, что лошади вязнут по стремена где-нибудь возле Красного Села — и песня стала бы просто иллюстрацией. Высоцкий же избегает иллюстративности, и поэтому песня становится поэтическим обобщением, обретает самостоятельную жизнь...

Эта песня (как, впрочем, и «Разбойничья») показывает, как много Высоцкий ждал от картины

лать программу с этими песнями и отрывками из спектакля «Пугачев»).

Как бы там ни было, но на исходе жизни Высоцкий опять запел «Купола». 16 апреля 1980 года, за три с небольшим месяца до смерти, он снялся на ленинградском телевидении с несколькими программными для себя песнями. Помимо «Коней привередливых», «Охоты на волков», там прозвучали и «Купола». Теперь эта запись звучит как поэтическое завещание. А спустя три недели, 9 мая, он пел ее в Москве дома у знакомого врача В. И. Баранчикова, жившего возле Елоховской церкви. Высоцкий запел. «И тут, — вспоминает Баранчиков, — зазвонили в Елоховской. Окна были открытыми. Это было нечто...»

За 181 год до этого в Елоховской церкви крестили Пушкина. Крут замкнулся.